

Люди и судьбы Большой театр. — 1945. — 24 февр. (№ 6). Сороковые роковые...

Наверное, мои воспоминания о военных годах, о моем прерванном войной детстве, о быстром, прямо-таки стремительном взрослении, вынесенные из тех роковых сороковых впечатления о людях мало чем отличаются от того, что могут рассказать мои сверстники. И все же — у каждого «своя война».

Меня война застала в Москве. Жили мы тогда в Зарядье. Дом этот не сохранился, но расположенная рядом церковь св. Варвары, до сих пор, слава Богу, стоит.

Первое ощущение войны связано у меня не с первыми бомбежками, а со словами мамы. Когда В. М. Молотов выступил по радио с сообщением о том, что на нашу страну вероломно напал враг, мама сказала: «Срочно беги в табачный киоск». Это было первое задание, которое я получил после объявления войны. В ту пору по моим воспоминаниям курили только женщины-медики и актрисы, среди остального дамского населения это было не принято. У табачного киоска к моему приходу уже собрался народ, и все это вместе как-то вдруг обозначило ощущение тревоги: а мне-то было всего-навсего 9 лет. и одна неделя. В этот день практически прекратилось детство. В первую военную ночь объявили воздушную тревогу, потом, правда, выяснилось, что она была учебная, но сирены ревели по-настоящему, а мы из Зарядья бежали в метро на площадь Революции — рядышком, пробежать всего два переулка. Но все же, после этого «марш-броска» родители решили, что больше так бегать мы не будем. В церкви св. Варвары был довольно большой подвал, и всю осень, до переезда на Садовую — Сухаревскую, мы в нем, собственно говоря, и жили.

А потом, после объявления войны, мы с бабушкой уехали на дачу на Сходне. Выкопали, как все, траншеи — спасение от налетов. Но судьба есть судьба. Вспоминаю как в августе мы с бабушкой ходили в лес за грибами, и возвращаясь домой, вышли на опушку. Навстречу нам очень низко, метров 40—50 от земли летит самолет, обычный «кукурузник» «У-2» с красными звездами, и вдруг дает по нас пулеметную очередь... Вероятно, — немецкий разведчик, но это не приходило в голову.

В сентябре мы вернулись в Москву. Тогда уже начались регулярные налеты и бомбежки. Мы «приспособились», успевая поужинать до того, как с немецкой пунктуальностью, в половине десятого, объявлялась воздушная тревога. Все начиналось с нарастающего гула самолетов, которые довольно беспорядочно сбрасывали бомбы. В районе Химок самолеты встречались нашими зенитными установками, и зарево над Москвой стояло

практически ежевечерне.

В один из дней сентября, не помню когда, бомба попала в здание закамуфлированного Большого театра. Собралась толпа, все оцепили. Но пробоину, которая образовалась между порталом и стеной здания, хорошо было видно, хотя пыль стояла столбом.

В октябре, накануне знаменитого 16-го, когда в Москве было введено военное положение, домоуправ посоветовал всем перебраться куда-нибудь подальше. Дядюшка мой, Виктор Иванович Цаплин, был солистом балета и многие партии танцевал в очередь с Асафом Михайловичем Мессерером (именно поэтому я хорошо помню и того, и другого). Дядя вместе с театром уехал в Куйбышев, и мы поселились в его квартире. Кое-кто из артистов остался. По соседству с нами жила Марианна Боголюбская, позднее приехал Михаил Габович. Ирина Соколова с Александром Руденко, над нами жили Надежда Чубенко и Леонид Адамов, Алексей Петрович Иванов. И все жили как бы единым кланом, одной семьей.

Москва того времени, конечно, не была блокадным Ленинградом, но еды нам, ребятам, постоянно не хватало — организм рос, есть хотелось всегда, того, что выдавали по карточкам — 400 г. хлеба, конечно, было мало. Марианна Боголюбская, — дай Бог ей здоровья, и долгие годы жизни, этого я никогда не забуду — абсолютно посторонним для нее детям приносила из столовой ЦДРИ обеды, или, когда после спектакля поклонницы вместо цветов приносили ей банку молока, половину она отдавала нам.

Осенью 1941 года в Москве был самый напряженный момент, началась паника, все боялись голода. Бабушка ходила на Центральный рынок, который был рядом с домом, и возвращалась безумно счастливая, с 2 кг картошки. Потом уже выяснилось, что после каждого такого похода она лишалась золотого кольца или сережек. Но люди того поколения думали не о драгоценностях — они стремились прокормить детей.

Новый, 1942 год мы встречали в нашей квартире. И получили прямо-таки царский подарок. Дело в том, что той зимой кофе в Москве не было, а родители жить без него не могли. Под Новый год, словно Дед Мороз, приехал из Куйбышева Виктор Иванович Хоряков и привез кофе. Правда, это был зеленый, сырой кофе, но — кофе! И я поехал за ним от Са-

мотеки до Марьиной рощи, получил заветный пакет и возвращался домой. Иду и вижу, буквально над домами летит самолет с красными звездами, и вдруг дает пулеметную очередь, по людям. Что можно сказать? Для меня — закон парности...

Родителей я видел очень редко, в основном был с бабушкой. Мама работала в госпитале, ее не было дома сутками. Папа работал на авиационном заводе. Помню, как-то я ездил с ним несколько дней подряд рыть противотанковые окопы в районе Сходни. Мы, ребята, а я такой был не один, тоже работали лопатами и старались не отставать от взрослых.

В 1941—42 учебном году школы не функционировали. Ближайшим местом, куда можно было пойти, чтобы чем-то интересным заняться был дом пионеров в переулке Стопани, что выходит на улицу Кирова. Я начал заниматься в студии изобразительного искусства. И часто бывало, — а ходил я в дом пионеров 2—3 раза в неделю, — что пока доберешься — занятия начинались в 5—6 часов вечера, по дороге несколько раз обязательно угодишь в бомбоубежище. Как правило, происходило это и по дороге туда, и по дороге обратно.

А когда открылся Филиал Большого театра, я, кажется, проводил там все время, свободное от занятий в студии. Попадал я в театр очень просто: одна из моих соседок, когда шла на спектакль брала меня с собой. И во время спектакля, часто по 2—3 раза объявляли воздушную тревогу. А когда спектакль заканчивался, меня снова «за ручку» приводили домой.

Постепенно начали нормально работать школы. Сначала я поступил в школу рядом с Садовой-Сухаревской, а после возвращения из эвакуации В. И. Цаплина, мы переехали к себе в Зарядье, и я перешел в другую школу.

Война миновала самых близких моих родственников. Только двоюродный брат испытал все «по максимуму». В 1941 году 19-летнего парня сбросили с парашютом недалеко от Москвы в тыл врага, и он приземлился на мину. Ребята, которые были вместе с ним и видели взрыв, считали его погибшим. Но он был ранен, его подобрали и оставили в ближайшей деревне. Потом кто-то выдал брата фашистам, он прошел два немецких лагеря, бежал, провел какое-то время в американской зоне оккупации, а в 1949 г. вернулся домой, даже не попав в ГУЛАГ.

...Очень хорошо помню день окончания войны. Все ждали официального сообщения, и я практически сутки не уходил с Красной площади, лишь периодически забегая домой что-нибудь «перехватить». Всеобщему, подлинно всенародному ликованию, когда люди из домов тянулись на улицы, площади Москвы, не было конца.

Л. СОЛОДОВНИКОВ,
заслуженный художник России.